

Вокруг нее все было белым, и, словно боль причиняли белые стены, белый пол, безупречно чистые белые двери и яркие, режущие глаза неоновые лампы на потолке, Анна, пытаясь спрятаться от них, закрыла лицо ладонями. Она ничего не понимала. Все, что она слышала, — это слово «кома» и что он в плохом состоянии. Кто-то в белом халате — невозможно было определить, мужчина это или женщина, — усадил ее на этот стул и мягко, но в то же время с нажимом, словно стюардесса, которая рассказывает о правилах поведения в экстремальной ситуации, объяснил, что врачи делают все возможное. Что это может продлиться довольно долго, а тем временем нужно заполнить и подписать формуляр.

Лист лежал рядом на полу. Время от времени блестящие белые двери открывались. В длинном коридоре слышался скрип резиновых подошв, который через некоторое время стихал, приглушенный другой дверью. Доносился ритмичный звук какого-то аппарата, пахло карболкой, а жара была почти невыносимой.

Анна подняла глаза, глубоко вдохнула, расстегнула легкое пальто, откинулась с закрытыми глазами на спинку стула и скрестила руки на коленях. Губы ее дрожали, а в голове пульсировала боль, определить источник которой было невозможно. Анна чувствовала, что ее жизнь распадается на части, и вспомнила, как давно, в детстве, хотела получить волшебную палочку, которая могла бы повернуть время вспять, стереть любое событие. Чтобы все вновь стало таким, как прежде.

Она никогда раньше не задумывалась, что будет, если с одним из них что-то случится. Она любила Гвидо, а любовь не спраши-

вает и старается не думать, как быть, когда все закончится. Теперь она понимала всю абсурдность сложившейся ситуации. Она совершенно не была готова к подобному звонку: «Очень жаль, но мы вынуждены сообщить, что с вашим мужем произошел несчастный случай. Он находится в критическом состоянии, и вы должны быть готовы к худшему».

Словно во сне она примчалась в клинику. Она не знала, как доехала сюда и где припарковала машину. Не в состоянии выражать свои мысли достаточно четко, она лишь кричала людям в белых халатах: «Реанимация?» — и в конце концов оказалась здесь, в этом режущем глаза коридоре, где секунда казалась вечностью.

Анна испугалась, поймав себя на мысли, что уже сейчас представляет, как изменит обстановку в доме и продаст антикварный магазин, а затем отправится в кругосветное путешествие, чтобы как-то пережить это время. Она никогда не могла уговорить Гвидо отправиться в подобное путешествие. Он ненавидел самолеты.

О Господи! Анна вскочила со стула. От этих мыслей ей стало так стыдно, что она больше не могла сидеть спокойно. Засунув руки поглубже в карманы пальто, она начала ходить по коридору. Здесь деловито сновали люди в белых халатах. Они проходили мимо Анны, даже не удостоив ее взглядом. Еще немного, и она набросилась бы на одну из этих занятых своими делами медсестер с криком: «Речь идет о жизни моего мужа! Неужели вы этого не понимаете?!»

Но до этого не дошло, потому что одна из дверей распахнулась и вышел худой мужчина в очках без оправы с грязными стеклами. Направляясь к Анне, он нервно теревил рукой маску, висевшую на шее. Второй рукой он потер лоб и спросил голосом, не выражающим никаких эмоций:

— Фрау фон Зейдлиц?

Анна почувствовала, как расширились ее глаза, а к голове прилила кровь. В ушах застучало. Лицо врача по-прежнему ничего не выражало.

— Да, — с трудом выдавила Анна. В горле у нее пересохло.

Врач представился. Он еще не успел полностью произнести свое имя, а его интонация уже изменилась и стала похожа на ту, с которой обычно произносят речь во время похорон. Следующую фразу он, очевидно, говорил уже не раз: «Мне очень жаль. Мы ничем не смогли помочь вашему мужу. Возможно, для вас будет слабым утешением, если я скажу, что так, наверное, лучше. Ваш муж, скорее всего, никогда не пришел бы в себя. Повреждения черепа были слишком тяжелыми».

Анна успела еще отметить, что врач протянул ей руку, но в бессильной ярости она смогла лишь повернуться и уйти. Смерть... Впервые в жизни она поняла, что это слово на самом деле значило «безвозвратность».

В лифте пахло кухней, как и во всех больничных лифтах. Лишь только дверь открылась, Анна стремительно выскочила, спасаясь бегством от этого отвратительного запаха.

Домой она поехала на такси. Она была просто не в состоянии сама вести машину. Молча протянула купюру водителю и исчезла в доме. Все внезапно показалось ей чужим, холодным и отталкивающим. Она сбросила обувь, взбежала по лестнице в спальню и бросилась на кровать. И лишь теперь заплакала.

Это произошло 15 сентября 1961 года. Через три дня Гвидо фон Зейдлиц был похоронен на кладбище Вальдфридхоф. А уже через день начали происходить, скажем так, странные события.

2

Чтобы избежать возможных недоразумений и не представить Анну фон Зейдлиц в дурном свете, что в значительной мере повредило бы данному повествованию, следует сделать небольшое отступление и в нескольких словах рассказать об этой женщине. Анна фон Зейдлиц никогда не использовала частицу «фон»,

которая должна была свидетельствовать о дворянском происхождении ее мужа. Ему как торговцу антиквариатом подобный титул мог быть полезен, Анну же скорее веселили дворянские титулы, которые в девятнадцатом столетии в буквальном смысле слова раздавали «заработавшим» их людям. Тогда успешные предприниматели легко могли стать дворянами, что привело к возникновению таких странных фамилий, как фон Мюллер* или фон Мейер**.

У Анны было достаточно чувства собственного достоинства, чтобы называть себя просто фрау Зейдлиц. Она удачно сочетала в себе прекрасное образование и своеобразную, в некоторой степени суровую красоту, благодаря чему в любом обществе всегда оказывалась в центре внимания. Ни в коей мере не чувствуя себя отягощенной собственной эрудированностью, а наоборот, умея извлекать из этого пользу, Анна была удивительно остроумна, и ее шутки надолго становились темой для обсуждения в любой компании. В свои сорок лет она охотно кокетничала и при этом даже не пыталась скрывать, что ей уже пошел пятый десяток.

Конечно же, смерть мужа была сильнейшим ударом, и Анна собрала все силы, чтобы справиться с неожиданно постигшим ее горем. Когда ей позвонили из клиники с просьбой забрать вещи мужа, она словно жила в каком-то другом, нереальном мире.

Это было нелегко, но она приехала в больницу в тот же день. Попросив расписаться в получении, медсестра передала ей пластиковый пакет, в котором лежала одежда Гвидо, его часы и бумажник. И совершенно случайно Анна узнала, что во время несчастного случая ее муж был в машине не один.

* Мюллер (Müller) — считается в Германии самой распространенной фамилией.

** Мейер (Meyer) — после фамилий Мюллер (Müller) и Шмидт (Schmidt) третья наиболее распространенная фамилия в Германии.

— Его спутница отделалась лишь синяками и ссадинами. Ее сегодня выписали.

— Спутница?

Анна нахмурила лоб, что было явным признаком волнения.

Медсестра крайне удивилась, услышав, что фрау фон Зейдлиц ничего не знала о пассажирке в машине мужа, и, прежде чем сообщить ее имя Анне, попросила разрешение от главного врача. В нем Анна узнала человека, сообщившего ей о смерти мужа, и извинилась за свое поведение.

Врач ответил, что в ее поведении не было ничего необычного, если принять во внимание все обстоятельства, и даже назвал его абсолютно нормальным. Однако лишь после упорных переговоров ей удалось узнать имя и адрес спутницы Гвидо.

Эта женщина не была ей знакома.

Для начала Анна хотела лишь побольше разузнать обо всех обстоятельствах аварии и именно с этой целью обратилась в полицию.

Там ей сообщили, что автомобиль, внутри которого находились мужчина и женщина, сошел с трассы в районе отметки 7,5 километров на автобане Мюнхен—Берлин, несколько раз перевернулся и, упав на крышу, остановился в густом кустарнике. Женщина, похоже, осталась в живых лишь благодаря тому, что после удара ее выбросило из автомобиля. Еще Анна узнала, что для выяснения обстоятельств аварии начали обследование обломков автомобиля, но это может занять некоторое время.

На вопрос, можно ли увидеть машину, Анна услышала положительный ответ и заверения, что она может сделать это в любое время.

Огромный зал строения, расположенного в северной части города, смог вместить пару десятков автомобилей, как минимум столько же стояло под открытым небом. Погнутые, искореженные до неузнаваемости и обгоревшие — все они были связаны с судьбами людей.

Хоть Анна твердо решила оставаться холодной и собранной, ее начала бить дрожь при виде того, что осталось от машины. Прошло какое-то время, прежде чем она отважилась подойти ближе. Приборная доска была вогнута посередине. Слева виднелись следы крови. От лобового и заднего стекла остались только осколки на погнувшихся сиденьях. Удар был такой силы, что капот стал в два раза короче. Багажник был открыт. Закрыть его не представлялось возможным. Пахло бензином, маслом и горелой пластмассой.

Почти с благоговением Анна медленно обходила искореженный автомобиль, когда вдруг заметила в багажнике портфель. Полицейский, сопровождавший ее, кивнул и сказал, что Анна может взять его, после чего тут же извлек кожаный портфель из багажника.

— Но этот портфель не принадлежал моему мужу! — воскликнула Анна и сделала шаг назад. Она отшатнулась, словно полицейский протянул ей какое-то отвратительное животное.

— Значит, этот предмет принадлежит спутнице вашего мужа, — заметил полицейский, пытаясь успокоить Анну. Он не мог понять, что стало причиной столь сильного волнения.

— Но где же его портфель? У него был коричневый портфель с монограммой G. v. S.!

Полицейский лишь пожал плечами:

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно уверена, — ответила Анна и, подумав несколько секунд, добавила: — Дайте его мне!

Она положила портфель на крышу бывшего автомобиля своего мужа и, неумело покрутив замки, наконец открыла его. Содержимое — нижнее белье (следует заметить, не очень изысканное), косметика и сигареты — без сомнения, принадлежало женщине.

— Я могу взять это с собой?

— Конечно.

Анна закрыла портфель и вышла.